

Том 1. Глава 191. Богатство не возвращается в родные края?

У Цзюйин и Хань Чуньмэй сварили большую кастрюлю лапши с яйцом и зеленым луком, три брата с удовольствием уплетали её в доме.

Цзинь Пэн отпил немного бульона и сказал Ли Е:

— Хао Цзянь позвонил мне позавчера и сказал, что в этом году он не вернётся в Циншуй на Новый год, ему неудобно связываться с тобой, поэтому он попросил меня передать тебе.

— Передать что? Какое мне дело, где он будет отмечать Новый год? — безразлично сказал Ли Е. — К тому же, судя по состоянию здоровья его дочери, в Чжаньчжоу ей действительно лучше, чем в Дуншане, переезд на юг — это правильно.

Цзинь Пэн покачал головой:

— Нет, Хао Цзянь в этом году поедет на Новый год в родной город в Эбэй, он позвонил мне, чтобы похвастаться.

— Похвастаться? Чем?

— Машиной, — Ван Цзянцян поставил пустую миску на стол и немного укоризненно сказал: — Хао Цзяню повезло, он наконец-то купил машину перед Новым годом, но вместо того, чтобы отвезти брату Сяо Е, он поехал на ней в родной город хвастаться.

По мнению Ван Цзянцяна, раз седьмой завод в Шэньчжэне купил машину, то сначала на ней должен поехать Ли Е, «старший брат», а остальные должны стоять в очереди.

Ли Е улыбнулся:

— Богатство не возвращается в родные края, словно ночная вышивка, вы же знаете, какое желание загадал Хао Цзянь, мы, как друзья, должны ему помочь, не так ли?

— Богатство не возвращается в родные края, словно ночная вышивка? — Цзинь Пэн и Ван Цзянцян задумались и спросили Ли Е: — Что это значит?

— Это цитата из «Исторических записок» Сыма Цяня, из «Летописи Сян Юя», полная цитата звучит так: «Богатство не возвращается в родные края, словно вышивка ночью, кто же это знает?», это значит, что бедный и ничтожный человек благодаря своим усилиям добился успеха, но если он не вернётся в родные края, чтобы похвастаться, то это всё равно, что ходить ночью в роскошной одежде, никто не увидит твоего величия.

Ли Е перевоплотился в историка и объяснил им смысл этой фразы, но реакция у них была совершенно разной.

Цзинь Пэн кивал, считая, что Ли Е прав.

А Ван Цзянцян опустил голову и молчал долгое время.

На самом деле, разница в их мировоззрении отражалась в их одежде.

Цзинь Пэн был одет в элегантный английский костюм и плащ, сшитые на заказ на седьмом заводе в Шэньчжэне, он был очень стильным.

За этот год Цзинь Пэн несколько раз приезжал в Циншуй навестить родных, его имя «Цзинь, босс» становилось всё громче, и его невеста, которую раньше считали дурой за то, что она вышла за него замуж, теперь стала проникательной «хозяйкой».

А Ван Цзянцян был полной противоположностью, он был одет просто и скромно, за год он не приезжал домой, его родные не интересовались, как у него дела и жив ли он вообще.

У обоих подходов есть свои преимущества, через несколько десятилетий второй подход даже получит широкое признание.

Но сейчас 1982 год, и больше распространён подход Хао Цзяня и Цзинь Пэна.

Ван Цзянцян, не поднимая головы, тихо спросил Ли Е:

— Брат, ты думаешь, мне тоже стоит одеться получше?

— Это зависит от тебя, — улыбнулся Ли Е. — Цзянцян, мы так усердно работаем, чтобы жить свободно, чтобы не обращать внимания на чужие взгляды, делать всё, что захотим, теперь, если кто-то будет смеяться над тобой из-за твоей одежды, ты будешь обращать внимание?

— Нет, конечно! — простодушно засмеялся Ван Цзянцян. — Если кто-то будет надо мной смеяться, я буду считать, что он слеп и не видит моих достоинств.

— ...

— Ха-ха-ха-ха-ха!

— Цзянцян, ты тоже стал использовать литературные обороты, ты меня насмешил.

Ли Е и Цзинь Пэн рассмеялись, особенно Цзинь Пэн, из-за чего Ван Цзянцян немного смутился.

Но Ли Е сразу же ободрил его:

— Цзянцян, не обращай внимания, ты больше читай и учись, ты ничем не будешь хуже других, во всяком случае, лучше, чем твой Пэн.

— Я неравнодушен, брат, — серьёзно сказал Ван Цзянцян, — я могу отличить настоящую улыбку от фальшивой, на самом деле Пэн гэ тоже всё время учится, он тоже неплох.

— Хе.

Ли Е улыбнулся и ничего не ответил.

Цзинь Пэн действительно учился, но его к этому принудили Ли Е и Ван Цзянцян, а казалось бы, глупый Ван Цзянцян упорно «торопился, как неумелая птица», учился ещё усерднее, чем в школе.

Раньше этот голодный паренёк с большим аппетитом даже вызывал отвращение своим обжорством, откуда ему было взять время на учёбу?

Но теперь, решив материальные проблемы, Ван Цзянцян проявил свою упорную натуру.

По мнению Ли Е, Ван Цзянцян — это невозмутимый и усиленный вариант «Гуо Цзин», у него есть упрямство.

После ужина Цзинь Пэн и Ван Цзянцян остались в доме Ли Е на некоторое время, а затем разошлись по домам, оба провели год вне дома, Цзинь Пэн иногда возвращался к жене, а Ван Цзянцян ни разу не вернулся.

Только Цзинь Пэн торопился, нетерпеливо, а Ван Цзянцян медленно шёл, боясь возвращаться домой.

Каждый идёт своей дорогой, посторонние ничем не могут помочь.

После того, как Ван Цзянцян и Цзинь Пэн ушли, ещё до полудня, в дом Ли Е пришли гости.

Хань Ся со своими родителями и двумя сёстрами приехали на тракторе к дому Ли, привезли

много продуктов, особенно несколько больших карпов и белого амура, Ли Е был поражён.

В то время вода была действительно чистой! Осушили один пруд, и вот столько полуметровых диких карпов и белого амура.

Через несколько десятков лет такое количество крупных диких рыб можно было найти только в южных реках, в таких местах, как Дуншань, об этом можно только мечтать, там можно было есть только рыбу, накормленную комбикормом.

Но семья Хань Ся пришла не только с продуктами, но и для поклонения старому дереву.

После того, как Ли Е «получил сон от старого дерева» и стал лучшим в провинции, популярность старого дерева резко возросла.

Теперь все тайно признавали, что бабушка Ли Е, У Цзюйин, обладает сильнейшим благословением, иначе почему бы оно выпало именно Ли Е?

Две младшие сестры Хань Ся учились в средней школе, и они решили воспользоваться этим.

В канун Нового года, в полночь, тётушка Ли Минсян с кузиной Чжао Мэйвэнь, а также Ху Мань с братом и матерью пришли в дом Ли Е.

Нехотя Ли Е тоже был оттащен У Цзюйин, но он пробыл у старого дерева всего несколько минут и вернулся.

Потому что в этот раз, как только Ли Е согнул колени, ещё не успев поклониться, с тёмного неба раздался гром.

Неизвестно, был ли это гневный крик: «Ты, злодей, снова мешаешь мне?», или тихий совет: «Разбойник, уходи, уходи».

В любом случае, Ли Е, уже дважды переживший подобное, решил больше никогда не поклоняться старому дереву.

В первый день нового года, после завтрака, соседи и друзья начали ходить друг к другу в гости, поздравляя с Новым годом.

Из восьмёрки друзей, кроме Вэнь Лэюй, все пришли в дом Ли Е, даже Чэнь Цзиньхуа, которая лежала в больнице, пришла с опорой на Цзян Сяоянь, чтобы поздравить с Новым годом.

Ли Чжунфа поспешно позвал У Цзюйин, чтобы жена усадила Чэнь Цзиньхуа в тёплую комнату, печь пылала, они боялись, что Чэнь Цзиньхуа замёрзнет и её состояние ухудшится.

Это заставило Чэнь Цзиньхуа чувствовать себя неловко, она поспешно сказала:

— Старушка, не нужно так утруждаться, я не такая нежная, я не такая нежная, я уже почти выздоровела, если бы не дочь, я бы уже выписалась.

— Несёшь чушь, — сказала У Цзюйин, притворно сердясь: — Ты сама себя не бережёшь, в старости тебе же и расплачиваться, я слышала от внука о твоей болезни, она возникла из-за того, что ты запустила её, если ты не будешь осторожна, то в будущем не сможешь выполнять тяжёлую работу, будешь задыхаться от любой работы.

— Эх-эх, не так уж всё серьёзно, не так уж серьёзно.

Чэнь Цзиньхуа засмеялась, но на душе у неё стало тепло и приятно.

Когда она пришла, она очень волновалась, она слышала, что Ли Чжунфа – начальник отдела, его положение выше, чем у сельских чиновников, и он находится от неё на расстоянии в десять тысяч ли, она не знала, насколько он «строг»!

Но сейчас она увидела, как Ли Чжунфа торопится растопить печь, а У Цзюйин разливает чай, Чэнь Цзиньхуа невольно подумала: «Вот это настоящие слуги народа!»

В это время в комнату вошли матери Ху Мань, Хань Ся, Ли Даюна и других, вскоре всё оживилось, и Чэнь Цзиньхуа расслабилась.

Разговаривая, кто-то сказал, глядя в окно:

— Наши дети! Все они получили выгоду от Ли Е, посмотрите на них сейчас, они такие же, как в прошлом году?

— Конечно, не такие, в прошлом году, когда они готовились к повторной сдаче экзаменов, мой сын весь день молчал, мне было его жалко, а теперь он даже шутки рассказывает, вчера он меня так рассмешил...

— Да-да, всего полгода, и мой сын сильно изменился...

Несколько женщин подошли к окну и смотрели на студентов, весело играющих во дворе, их глаза сияли от «удовлетворения».

Раньше, когда Цзян Сяоянь, Янь Цзиньбу и другие готовились к повторной сдаче экзаменов, их окружала подавленность, и все думали: «Что с этим ребёнком? Почему он такой подавленный?»

А теперь Цзян Сяоянь и другие излучали уверенность, словно солнце, пробившееся сквозь тучи, они не только изменили себя, но и незаметно согрели других.

У Цзюйин тоже смотрела на Ли Е через окно, видя, что её внук стал центром внимания, она полностью одобрила мудрость своего мужа Ли Чжунфа.

Один забор – три столба, один герой – три помощника, эти дети пока что молоды и не могут помочь, но через много лет кто знает, кто кому поможет!

Но когда У Цзюйин с удовольствием смотрела на Ли Е, во двор вошли несколько «родственников».

Мать Ван Цзянцяна, Фань Чуньхуа, пришла с Ван Цзянцяном и его старшим братом Ван Юньбаном, чтобы поздравить с Новым годом.

Мать Ван Цзянцяна была невысокого роста, но с громким голосом, войдя в дом, она сказала:

— Дядя, тётя, мы пришли поздравить вас с Новым годом.

Ли Е, разговаривавший с одноклассниками, повернул голову и увидел горькую улыбку Ван Цзянцяна.

— О, Сяоянь, ты позвал всех своих одноклассников? Отлично, потом шестая тётя хочет поговорить с вами.

— Шестая тётя, мы собираемся поздравить учителей в школе! Если есть дела, поговорите с моими дедушкой и бабушкой.

— Нельзя, нельзя, об этом всё же нужно тебе рассказать, не уходи! Иначе шестая тётюшка тебя не отпустит!

— ...

Когда Фань Чуньхуа с двумя сыновьями вошла в гостиную, Ли Е поспешно сказал своим одноклассникам:

— Все запомнили! Если мать Цянъцзы спросит вас о Цянъцзы, скажите, что ничего не знаете,

ничего не видели, понятно?

Ху Мань и другие ничего не поняли, но все молча кивнули.

Ли Даюн был в курсе дела и невольно оттащил Ли Е в сторону, тихо спросив:

— Цяньцзы прокололся?

Ли Е медленно покачал головой:

— Я не знаю, но надеяться на то, что Цяньцзы сможет обмануть свою мать, действительно слишком трудно для него.

— Точно!

Ли Даюн полностью согласился, они были друзьями детства, простодушие Ван Цзянцяна было известно всем, а проницательность его матери Фань Чуньхуа была известна ещё больше, мать знает своего ребёнка лучше всех, ему будет очень трудно скрыть свои сбережения от Фань Чуньхуа.

Однако Ли Е и Ли Даюн недооценили Ван Цзянцяна.

Через пять минут из гостиной донёсся плач матери Ван Цзянцяна, Фань Чуньхуа, а затем Ли Е позвали в гостиную.

Ли Е заглянул внутрь, у Фань Чуньхуа было мало слёз, это был скорее гром среди ясного неба.

Но лицо деда Ли Чжунфа было чёрным, как сажа, а бабушка У Цзюйин постоянно подмигивала ему.

— Дедушка, вы, старшие, разговариваете, зачем вы меня позвали?

— Это дело ваших младших.

Ли Чжунфа угрюмо сказал:

— Твоя шестая тётушка хочет, чтобы второй сын занял место Цяньцзы, но Цзинь Пэн её остановил, ты же знаком с Хао Цзянем? Шестая тётушка просит тебя поговорить с ним.

Вот же мать твою...

Ли Е сначала посмотрел на плачущую шестую тётушку Фань Чуньхуа, а затем на Ван Цзянцяна, сидевшего на маленьком табурете.

Табурет был мал, а Ван Цзянцян был крепок телом, это выглядело довольно смешно.

Ли Е обменялся с ним взглядами, и оба брата чувствовали себя одинаково безнадежно.

Брат, как же ты обнищал, что тебя всё ещё достают?

<http://tl.rulate.ru/book/123784/5285566>